

В форуме «Провинциальная и туземная наука» приняли участие:

Александр Григорьевич Бермус (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону)

Юлия Валерьевна Бучатская (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург)

Елена Ильинична Гапова (Университет Западного Мичигана, Каламазу, США)

Олеся Игоревна Кирчик (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва)

Михаил Петрович Крылов (Институт географии РАН, Москва)

Александр Александрович Кузнецов (независимый исследователь, Красноярск)

Екатерина Александровна Мельникова (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург)

Марина Борисовна Могильнер (Журнал "Ab Imperio" / Университет Иллинойса, Чикаго, США)

Владимир Владимирович Напольских (Удмуртский государственный университет, Ижевск)

Андрей Викторович Нехаев (Омский государственный технический университет)

Юрий Александрович Пустовойт (Сибирский государственный индустриальный университет, Новокузнецк)

Адилъ Родионов (Евразийский национальный университет им. Л.Н.Гумилева, Астана, Казахстан)

Светлана Николаевна Родыгина (Кировский филиал Московского финансово-юридического университета)

Николай Сергеевич Розов (Институт философии и права СО РАН, Новосибирск / Новосибирский государственный университет)

Евгения Евгеньевна Романова (НОУ ВПО «Институт международных связей» / Уральский федеральный университет, Екатеринбург)

Владимир Вячеславович Рыжковский (США, Джорджтаунский университет)

Жаксылык Сабитов (Евразийский национальный университет
им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан)

Сергей Валерьевич Соколовский (Институт этнологии
и антропологии РАН, Москва)

Борис Евгеньевич Степанов (Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики», Москва)

Алексей Сергеевич Титков (Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики» / Российская академия
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Москва)

Сергей Александрович Ушакин (Принстонский университет, США)

Провинциальная и туземная наука

ВВЕДЕНИЕ В ДИСКУССИЮ

Коммуникацию между учеными часто уподобляют разговору. Идеализированная модель науки предполагает по умолчанию, что в этом разговоре все слышат всех и все могут быть услышаны всеми. В реальности, разумеется, это не так. Ученых слишком много, и они неизбежно делятся на группы по интересам — общий разговор дробится на множество частных бесед или дискуссий. Однако этим дело не ограничивается. Часть говорящих оказывается изолирована от других из-за барьеров другого рода — физических, языковых или политических расстояний между ними, и оказывается локализована, замкнута в своей сфере коммуникации.

В результате, помимо дискуссий по интересам, возникают дискуссии, образованные по каким-то внешним для предмета разговора признакам. «Национальные науки» являются самым известным, но не единственным примером таких локализаций. Исследователи из одной страны часто интенсивнее взаимодействуют с представителями других субдисциплин или даже дисциплин в этой же стране, чем с теми, кто принадлежит к той же самой исследовательской области, но в другой стране. Нечто подобное может происходить и на уровне региона, который больше или меньше национального государства (например, германоязычная и франкоязычная наука или территориальные школы, процветающие в одном городе).

Факт существования таких локализованных дискуссий, однако, представляет собой вопиющее отклонение от идеалов академического мира. Даже те дисциплины, которые скептически относятся к позитивистским представлениям о научности, высоко ценят кумулятивность исследовательского поиска. Одна из самых привлекательных сторон академической карьеры — это ощущение участия в едином проекте, в который каждый вносит свой, пусть небольшой, но уникальный вклад. Наравне с государством и церковью, наука — один из трех институтов, обладающих наиболее развитой коммеморативной традицией, и наука превосходит два другие в том, что сохраняет индивидуализированную память о каждом, кто посвятил себя ей. Наука сохраняет эту черту, однако, лишь постольку, поскольку все позиции завоевываются лишь однажды, а это, в свою очередь, возможно, только если всем известно, что уже завоевано. Одна из главных вещей, которым нас всех учат в аспирантуре — бояться однажды услышать, что то, что мы сейчас говорим, уже сказал кто-то другой. Существование локализованных дискуссий делает эту тревогу неизбежной: будучи погружены в одну такую дискуссию, мы никогда не можем быть уверены, что однажды не обнаружим, что кто-то сказал все примерно то же раньше, но в другом месте, к которому у нас не было доступа.

Иными словами, если деление на группы по интересам легитимно, то деление на группы, заданные какими-то внешними по отношению к содержанию коммуникации обстоятельствами, — нет. Те, кто ограничен локальным кругом общения, испытывает внутренний дискомфорт, и кроме того, им постоянно грозит «разоблачение» и клеймо «изобретателей велосипедов».

Существуют две основные формы одолеть эту базовую форму академической тревожности, которые мы назовем здесь для краткости «туземной» и «провинциальной» наукой. «Туземная» наука полностью игнорирует факт существования какой бы то ни было дискуссии за ее пределами. Она стремится изолировать находящихся внутри от взаимодействия с внешним миром, существования которого попросту не признает, а если признает — то ограничивается каким-нибудь простым объяснением, почему все, что там говорится, несущественно для тех, кто находится «внутри». Когда граница между туземной наукой и ее окружением выстраивается вдоль границы национального государства, объяснение часто принимает форму изобретения национальной академической традиции, которая провозглашается не менее почтенной, чем конкурирующие, и более аутентичной в смысле соответствия «менталитету» и «национальным интересам» (эти категории часто занимают важное место в туземном теоретизировании).

Исходная изоляция островка туземной науки может быть результатом стечения внешних обстоятельств. Если обращаться к российскому случаю, на уровне страны в целом таким обстоятельством была вначале политическая изоляция социально-научных и гуманитарных дисциплин от внешнего мира на протяжении советского периода, внезапно прервавшаяся на рубеже 1980-х и 1990-х гг. и поставившая ученых «здесь» перед необходимостью как-то соотносить свои достижения с тем, что считалось достижениями «там», при том, что многие из них не обладали необходимыми для этого ресурсами (знание языков, финансирование). В региональных центрах ситуация часто была еще драматичнее. Экономический кризис 90-х фактически прервал академические связи внутри страны, одновременно создав в ней гигантский спрос на преподавателей социально-научных дисциплин. Результатом стало появление бесчисленных локальных школ, поддерживавших лишь самые внешние видимые формы соответствия академическим стандартам.

Возникнув однажды, туземная наука приобретает значительный импульс для воспроизводства — в ней создаются собственные репутации, жанры письма и конвенции поведения, которые постоянно повышают ставки ее представителей в поддержании состояния изоляции.

В противоположность туземной, «провинциальная» наука не просто признает существование внешнего мира, но исходит из того, что происходящее «там» обладает несомненным превосходством перед происходящим «здесь», и поэтому тратит все силы на то, чтобы, оставаясь «здесь», утвердить свою причастность к этому «там». Основная особенность провинциальной науки — и то, что делает ее, собственно, провинциальной — есть то, что, читая и слушая на одном языке, она преимущественно пишет и говорит на другом языке; созерцая представления на одних площадках, она сама выступает на других. В результате она постоянно носит характер науки понарошку, «невзаправду». Ее представители как бы участвуют в разговоре со своими «тамошними» коллегами, но таким образом, что другие участники этого разговора не имеют ни малейшего шанса об этом узнать. Напротив, те, кто слышит и видит их, как правило, не являются участниками той же дискуссии и не воспринимают реплику как обращенную лично к ним и побуждающую их пересмотреть свои взгляды или учесть какие-то факты — лишь оценить ее соответствие риторическим и стилистическим конвенциям мирового центра. Провинциальная наука — это братство людей, упивающихся ощущением своего превосходства над туземным окружением. Ощущение превосходства возникает из осознания причастности к подлинной

или высшей академической реальности. Причастность, однако, не возникает из внесения в «мировую науку» какого-то собственного вклада, но лишь через разные формы социальной магии в стиле Фрезера — имитативной и контагиозной. Имитативная магия есть утверждение причастности через подражание; провинциальная наука (как, впрочем, и туземная) — это царство внешних форм, хотя в ее случае эти формы прорабатываются несравненно тщательнее и охватывают весь стиль жизни, от организационных практик («найм PhD ведущих университетов на открытом международном рынке») до манеры одеваться. Контагиозная магия есть подтверждение причастности через физическое соприкосновение: провинциальная наука создает культ из знакомств и обменов визитами с мировыми знаменитостями.

Возникновению островков провинциальной науки в России во многом связано с расцветом «грантовой экономики» 90-х и ранних 2000-х, но они не исчезли с окончанием грантовой эпохи. Знамя иностранных фондов было подхвачено как профильным министерством, задавшим целью добиться включения российских университетов в международные рейтинги, так и внутренней либеральной аудиторией, которая готова была поддержать любые формы западничества. Парадоксальным образом, поддержка из всех этих источников оказывается столь щедрой, а задача противостояния туземной науке на внутренней арене ощущается как столь актуальная и рождающая столь интенсивные формы окопного братства, что провинциальная наука также воспроизводит себя, ни на шаг не приближаясь к тому, чтобы стать частью «мировой».

Михаил Соколов, Кирилл Титаев

* * *

Это короткое введение во многом основано на результатах исследований российской социологии (полная версия статьи опубликована в этом выпуске «Антропологического форума» в разделе «Исследования»). При этом вопросы, которые редколлегия «АФ» выносит на обсуждение, относятся к более широкому кругу социальных и гуманитарных дисциплин:

1

Согласны ли вы с предложенными определениями «туземной» и «провинциальной» науки применительно к знакомой вам области знаний? Что является в этом случае «столичной» наукой в вашей области?

2

Какие институциональные и поведенческие формы принимает провинциальная и туземная науки в вашей области?

- 3 *Какие области социальных и гуманитарных наук в России, по вашему мнению, находятся на мировом уровне, несмотря на их провинциальность / туземность (или благодаря им)?*
- 4 *Какой вклад могут внести провинциальная и туземная науки в развитие научного знания и какая из них с этой точки зрения лучше?*
- 5 *Можно ли, находясь на периферии или полупериферии «академической миросистемы», найти «третий путь», не скатываясь ни к одному из полюсов? Если да, то в каком направлении его искать и следует ли это делать?*